

Второе издание, исправленное и дополненное. Санкт-Петербург. 1840.
Три части.

В.Г. Белинский. Взгляд на русскую литературу.
М., Современник, 1988
OCR Бычков М.Н. <mailto:bmnn@lib.ru>

Помните ли вы то время нашей литературы, когда она казалась такою живою, разнообразною, пестрою, богатою, – когда не было конца литературным новостям, не было конца изумлению и наслаждению читателя? Прекрасное то было время! Тогда явился исполин нашей поэзии, полный и могучий представитель русского духа в искусстве – Пушкин. Каждое его новое стихотворение, показывавшееся то в журнале, то в альманахе, расшевеливало все умы, настроенные ожиданием чудес его поэзии, было живою, чудною новостью, которая возбуждала любопытство и вызывала внимание даже старого поколения, сладко дремавшего за бостоном и вистом. Не говоря уже о множестве мелких произведений Пушкина, – этот ряд поэм: "Руслан и Людмила", "Братья разбойники", "Кавказский пленник", "Бахчисарайский фонтан", "Цыгане", "Полтава", наконец, драма "Борис Годунов", и вместе со всем этим глава за главою дивного поэтического романа "Евгения Онегина", создания чисто оригинального, исчерпавшего до дна всю жизнь современной Руси, – согласитесь, что тут было отчего закружиться даже и молодым, не только старым головам, которые еще не совсем успели переварить в себе и поэзию Жуковского: – столь странною и Дикой даже и она казалась им, еще с почтением вспоминавшим о Сумарокове, с мистическим благоговением о Хераскове, и не умевшим вообразить ничего выше Ломоносова, Державина и Озерова! Все теории перевернулись и перепрокинулись: классицизм единогласно был уволен в чистую, за выслугою и дряхлостью, а романтизм плохо понимали и самые его поборники. Шум, крик, споры... Славное было то время! Что нужды, если спорившие плохо разумели предмет спора: разумение является тогда, когда утихнет шум и крик, но оно все-таки есть результат этого шума и крика. Тогда шумели, кричали, спорили и даже бранились, – это правда, – но не из подписчиков, единственной и исключительной причины полемики многих теперешних журналов, а из мысли, из желания защитить свое убеждение или узнать истину. Конечно, и тут, как во всяком человеческом деле, вмешивались и корыстные расчеты, и самолюбие; но главным рычагом всей тогдашней литературной деятельности и главною причиною и шума, и криков, и даже браней, было живое стремление к истине... Но об этом грустном предмете мы скоро поговорим в особой статье; а теперь нам должно скорее дойти до предмета настоящей статьи – Давыдова.

Вслед за Пушкиным вышла на литературную арену целая дружина молодых талантов. Все они пошли по направлению, данному им Пушкиным, и самый последний из них, без всякого спора, гораздо выше, например, гг. Тимофеева и Кукольника, громко провозглашенных в одном журнале великими гениями русской литературы от 1834 года до сей минуты включительно, или г. Бернета, который благодаря тому же журналу смело стал подле двух первых {1}. Кроме того, что каждый из талантов, появившихся вслед за Пушкиным, имел больше или меньше неотъемлемое достоинство, положительную силу, – не забудем, что каждый из них тем сильнее действовал на публику, что был для нее совершенно новым; уже одна новость, небывалость и, в отношении к предшествовавшему периоду литературы, совершенная оригинальность могла быть принята и за талант, и за гений. В это время начало ходить по рукам в рукописи творение Грибоедова "Горе от ума"; в это время чувствительные души плакали над рукописным "Чернецом" Козлова и беспрестанно появлялись лирические произведения Козлова, Баратынского, Веневитинова, Полежаева, Вронченко, Подолинского, Языкова, Хомякова, Дельвига, Глинки (Ф. Н.), Тепловой, Теплякова, Ознобишина, Туманского, Шевырева (особенно как талантливового переводчика Шиллера), Шишкова 2-го (переводчика "Немецкого театра"), Писарева (водевилиста) и пр. {Достойны внимания переводы и даже некоторые оригинальные произведения гг. Ротчева, Тютчева, Маркевича, Вердеревского и даже г. Раича, очень недурно переведшего "Буколики" Виргилия и написавшего несколько стихотворений, отличающихся гладкостью и бойкостью стиха.} При этом довольно значительном числе дарований, действовавших в одно время и под влиянием одного общего светила – Пушкина, действовал и великий талант